

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2;37.014.521:294.3

К. С. Афанасьева

ЗНАЧЕНИЕ ТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ КОНЕЧНЫХ ЦЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ В БУДДИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Традиция передачи знаний является одной из самых древних сфер культурной деятельности человека. Образовательные традиции разных культур имеют, по всей вероятности, столь же древние корни, что и религии, так как изначально педагогическая мысль зародилась в русле духовной жизни человека и являлась её неотъемлемой частью¹. Системы передачи знаний существовали во всех древних культурах и цивилизациях, в которых религиозная традиция, как правило, регулировала все сферы жизни человеческого общества, как бы пропитывала её насковзь. Образование и воспитание, таким образом, были частью этого целого — жизни с её повседневными заботами, социальными контактами, ритуалами и верой, поэтому истоки педагогики и первые зафиксированные «педагогические» тексты нужно искать именно в ней.

В данной статье рассматриваются два типа университета: буддийский университет и европейский университет Средневековья. Предметом анализа станет текст и способ его бытования в обеих традициях. Эти характерные черты образовательных традиций являются в некотором смысле индикаторами культуры, указывающими на особенности происхождения и развития систем образования, а также обуславливающими дальнейшие пути их развития. С данной проблемой также связаны вопросы, касающиеся понимания того, что такое знание, каковы критерии его полезности и является ли оно частью сознания знающего или, скорее, носит внешний характер по отношению к нему, — ответы на эти вопросы формируют представление о миссии университета в культуре.

Возникновение как буддийского, так и средневекового европейского университета стало шагом в долгой эволюции систем образования, в формировании и развитии знания в Индии и Европе. Появление обоих институтов обозначило качественно но-

Афанасьева Кристина Сергеевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: k.s.afanasyeva@gmail.com

¹ Роберт Юлич составил сборник, куда вошли фрагменты древних религиозных текстов разных религиозных традиций, содержащие педагогические пассажи. В числе представленных текстов фрагменты из Библии, трудов Конфуция и Лао-цзы, древних индийских текстов — Бхагавад-гиты (*Bhagavad-gītā*), Шатапатха-брахманы (*Śatapatha-brāhmaṇa*), Законов Ману (*Manu-smṛiti*), Чхандогья-упанишады (*Chāndogya Upaniṣad*), Хитопадешы (*Hitopadeśa*) [1].

вый виток развития. Новые тенденции оказались настолько жизнеспособными, что, созревая, они способствовали серьёзным изменениям в культурной и политической жизни рассматриваемых регионов. Средневековый европейский университет изменил облик Европы: дал жизнь принципиально новой системе образования, наметил новый путь развития знания вне церкви, стимулировал социальные изменения. На его основе формировались современные европейские, а потом и американские университеты. Буддийский монастырь-университет, сложившись в Индии и исполнив значительную роль в местной политической и культурной жизни, по историческим причинам исчез в данном регионе, но, будучи перенесён на новую почву — в Тибет, успешно продолжил своё развитие, внося важные изменения в политическую и культурную жизнь этой страны. Буддийские университеты существуют по сей день: в Тибете, Монголии, России (Бурятия, Калмыкия, Тува), Индии. Сейчас они открыты для абитуриентов со всего мира².

В Европе первыми возникли университеты Болоньи и Парижа (в XII и XIII вв. соответственно). Необходимо остановиться на термине «университет» и определить, что именно подразумевалось под ним в Средние века. В современном понимании слово «университет» обозначает совокупность всех наук, целостность знания, хотя в действительности современный университет не всегда охватывает все отрасли знания, — напротив, высшие учебные заведения нередко имеют ту или иную специализацию. Н. С. Суворов в своём труде, посвящённом средневековым университетам, разъясняет принципиально отличное от современного ему понимание термина «университет» (лат. *universitas*) в Средние века: «Держась терминологии римского права, средневековые юристы называли университетом всякий организованный союз людей, всякую корпорацию — *corpus*, как говорили тогда, употребляя термин римского же права» [3, с. 1]. Он также отмечает, что университетом могли называть и отдельные его части; таким образом, в Болонье, Падуе, Монпелье существовало несколько университетов. С этой точки зрения университетом можно было называть любое организованное объединение людей — даже, например, город, ремесленный цех или корпорацию жонглёров. Это уместно ещё и потому, что первые университеты возникали в Европе в то же время, что и первые цеха, и имели одинаковые с ними принципы организации. Это генетическое родство с ремесленными цехами впоследствии, возможно, сказалось при формировании магистральных тенденций в развитии системы высшего образования в Европе и отчасти явилось причиной ценностной переориентации образования в Новое время. Данная проблема также связана с особенностями бытования текста в европейской образовательной традиции и будет рассмотрена ниже.

Первые буддийские университеты возникли в Индии на рубеже новой эры и представляли собой особый тип большого, многоязычного монастыря. В период I–VII вв. н. э. по всей Индии насчитывались сотни подобных монастырей. Там жили не только монахи, но и учёные, мыслители. В этих монастырях одновременно проходили обучение и обучали до нескольких тысяч монахов и мирян. Такая популярность объясняется тем, что обучение было равно доступным для всех — для поступления не было кастовых ограничений. Программа обучения была весьма широкой, охватывая все отрасли

² Известный буддолог Дж. Б. Дж. Дрейфус — первый европейский учёный, прошедший пятнадцатилетний курс обучения в тибетском монастыре школы Гелуг с 1975 г. Он составил подробное описание жизни буддийского студента-монаха, учебных планов, основных принципов обучения и центральных образовательных практик [2].

знания того времени: философию, гносеологию, медицину, различные искусства и пр. Желающие пройти курс обучения в этих монастырях прибывали не только из самых дальних уголков Индии, но и из других стран — Японии, Китая, Кореи, Тибета. Своего расцвета они достигли к V в. н.э. По историческим причинам к XI в. буддийские университеты на территории Индии исчезли, но буддийская образовательная система была целиком перенесена в Тибет (первые тибетские университеты строились под руководством индийских учителей и по традиционным индийским архитектурным планам, множество индийских учителей и переводчиков трудилось в тибетских монастырях-университетах, основой учебных программ стали индийские образовательные традиции и индийские тексты).

В соответствии со средневековым пониманием термина «университет» мы можем признать университетом и буддийский монастырь как организованную корпорацию людей, обладающую всеми необходимыми признаками. Со знаменитыми средневековыми школами буддийский монастырь-университет роднит и атмосфера времени и места. Подобно тому как средневековый университет появился в период активного роста городов, подъёма экономики, расцвет буддийских монастырей в Индии пришёлся на эпоху Гуптов — время экономического подъёма и появления больших городов. Буддийские монастыри строились рядом со ступами, которые, в свою очередь, возводились по завету Будды в самых людных местах, чтобы отовсюду шли паломники поклониться святыне. Паломнические маршруты совпадали с торговыми путями. Таким образом, крупные буддийские монастыри оказывались в эпицентре торгово-экономической и религиозно-культурной деятельности.

Университет представляет собой полноценное дисциплинарное пространство с установленными правилами жизнедеятельности и нормами поведения. В буддийском монастыре есть общемонастырские правила, фундаментом которых являются правила *винаи* (*vinaya*), а также правила, установленные факультетами и землячествами, которые не должны противоречить общемонастырским. В средневековом европейском университете аналогичным образом наличествуют статуты, которые предписывают определённые нормы поведения для студентов и преподавателей, а также регламентируют их отношения с внешним миром — людьми, не входящими в университетскую корпорацию, светскими и церковными властями. Самыми важными дисциплинарными компонентами, делающими университет образовательным учреждением, являются учебный план и образовательные практики.

Некоторые образовательные практики буддийского и европейского университета Средневековья очень сходны: диспут (тренировочный — как обсуждение текста, экзаменационный), чтение «коренных» текстов (основных текстов курса) с комментариями. Но есть и отличие, в данном случае — фундаментальное и решающее: **практика запоминания текста**.

Заучивание текстов наизусть являлось неотъемлемой частью древнеиндийской образовательной традиции, перешедшей и в буддийское образование. Помимо универсальной причины (древние образовательные традиции были преимущественно устными), такая высокая значимость *устного* текста и его запоминания, возможно, также имеет своим истоком ведийскую традицию. Значительную часть образовательного процесса в буддийском монастыре-университете составляет изучение и заучивание наизусть центральных произведений различных дисциплин — трактатов (*śāstra*), коренных текстов (*mūla*). Эта традиция настолько прочно и естественно укоренена

в культуре, что такого рода тексты изначально создаются краткими, ёмкими, удобными для запоминания. Разработаны специальные мнемонические техники. Монах начинает заучивание с одного-двух высказываний в день, постепенно дневная норма увеличивается. Позже учитель проверяет выученное, а также сам повторяет текст, разъясняет особо трудные пассажи. Дж. Дрейфус подчёркивает, что практика заучивания текстов в буддийской традиции существует не из-за недостатка материала, т. е. его небольшого количества, а для лучшего усвоения содержания. Путём запоминания знание усваивается непосредственно, таким образом, его смысл оказывается понятным более глубоко, укоренённым, а само знание становится активным в нашем сознании, несравненно более полезным [2, р. 92]. Преимущественно устное образование в данном случае представляет собой не пережиток образовательной практики, сформировавшейся в условиях недостатка письменных текстов, а краеугольный камень отношения к знанию, его усвоения и работы с ним. Письменные тексты существовали и существуют в буддийской высшей школе по сей день, но именно устная и *запомненная* форма — основной способ бытования текста в этой традиции.

Средневековая европейская образовательная традиция сделала образовательный процесс невысказанным без *письменного документа* — книги. В эту эпоху отношение к книге в европейской культуре кардинально меняется. Раньше книга была сокровищем (часто и в прямом смысле — украшенная драгоценными камнями, золотыми застёжками, с миниатюрами, выполненными на золотой подложке), хранящимся за высокими стенами монастыря, а переписывание книг в скрипториях уже само по себе считалось священной заслугой, поэтому не всегда сопровождалось вдумчивым чтением и пониманием переписываемого текста. В эпоху появления университетского образования книга стала одним из необходимых инструментов обучения. Произошли и внешние изменения: книга уменьшилась в размерах, миниатюры стали выполняться серийно, постепенно упрощались шрифты. Изготовление книг было поставлено на поток и контролировалось университетской администрацией. Однако речь всё ещё идёт о рукописных книгах! Студенты обязаны были самостоятельно знакомиться с программными текстами, а также приносить книги на лекции, но не в уме, а в натуральном виде. Книги были чрезвычайно дороги, позволить себе покупку книг могли далеко не все студенты. Поэтому во время лекций слушатели вели конспект, потом такие конспекты собирались в тетради под контролем университетской организации и таким образом становились официальным документом. Чтобы заставить студентов покупать и читать книги перед занятиями, одно время существовал запрет на конспектирование лекций, а лектору строго запрещалось повторять сказанное, за исключением самых трудных для понимания пассажей, и то не больше двух раз. Однако парижскими студентами артистического факультета, нуждавшимися в книгах, но не имевшими средств на их покупку, этот запрет регулярно нарушался, вследствие чего в XV в. он был снят [3, с. 191]. В университетах Германии в специально отведённые часы производилась диктовка книг. Также можно было брать книги напрокат у книготорговцев. Огромная разветвлённая университетская структура нуждалась в книгах и письменных текстах, что способствовало быстрому техническому прогрессу в этой области. Об изменении отношения к книге говорит также появление примерно в XIV в., в основном в зажиточной купеческой среде, личных библиотек [4].

Различие в способах бытования текста в буддийской и европейской средневековой образовательных традициях представляется принципиальным для понимания отно-

шения человека к знанию в культуре. В буддийской традиции носителем знания является сам человек. Он усваивает его в своей памяти, и оно всегда с ним, готовое к активному использованию и развитию; на основе усвоенного коренного текста может непосредственно разворачиваться новое, «следующее» знание. Знание не отчуждено от своего носителя — *знающего*, оно составляет с ним единое целое. За каждым учителем в буддийском монастыре закреплено несколько учеников разного уровня подготовленности, т. е. проучившихся разное количество лет. Для каждого из них учитель разрабатывает индивидуальный подход к обучению, учитывающий личные особенности ученика. Принцип индивидуального подхода сохраняется в буддийской системе образования на протяжении всей её истории. «Неотчуждённость» знания, индивидуальный подход — черты традиционной системы образования, характерной для древних культур, в которых мастер долгое время лично обучает ученика, даже в некотором смысле заменяет ему отца. Самым драгоценным продуктом такого образования является «знающий человек», неотделимый от своего знания. Вероятно, сказывается ещё и то, что буддийское образование направлено не на накопление знания-материала в головах, а на специфические для буддизма цели — освобождение от страстей, достижение просветления.

В европейской традиции знание рискует оказаться запертым в книге, скрытым между её страницами. Европейская культура становится культурой документа, зафиксированного, записанного знания. Книгу открывают, читают, размышляют о прочитанном, а после снова закрывают её. Можно ли быть уверенным в том, что знание стало частью того, кто его воспринял? Насколько глубоко оно было воспринято и осмыслено? Документов множатся, знаний в книгах становится всё больше, но в большинстве случаев человек не воспринимает их настолько глубоко, чтобы они сделались частью его самого.

Таким образом, в буддийской традиции знание существует главным образом в устной форме, укоренённой в памяти, а в европейской — в письменной форме, в виде книги, откуда это знание может «доставаться» по случаю.

С другой стороны, в средневековом университете Европы разворачивается новый творческий процесс. К XIII столетию в европейской интеллектуальной культуре сильно меняется характер отношения к авторитетному тексту: теперь преподаватель уже не просто читает и комментирует текст во время лекции, но поднимается над ним в дискуссии, ставит текст под вопрос. Постепенно он и вовсе отходит от него, предлагая свою собственную тему для особой формы университетских занятий — диспута. Жак Ле Гофф считает это моментом рождения университетского интеллектуала, перешедшего от пассивного к активному восприятию текста [5, с. 84].

Одним из важных следствий различных способов бытования знания в названных культурах явились различия в ходе переосмысления роли университета в обществе — миссии университета в культуре. Проблема миссии университета в культуре довольно хорошо разработана в европейской науке XIX–XX вв. трудами таких учёных, как И. Бентам, Дж. Ньюмен, К. Ясперс, В. фон Гумбольдт и др. Начало Болонского процесса в 1999 г. показывает, что вопрос о миссии университета в западной культуре вновь актуален. В конце XX в. образовательная программа буддийского университета также претерпела некоторые изменения, отвечающие требованиям времени: в программу был включён английский язык, появились компьютерные классы. Представление о миссии университета в обществе и культуре тесно связано с представлением о том,

для чего человек учится. А представление о конечной цели образования, в свою очередь, связано с образовательной программой, сроками и основными методами обучения.

Буддийский и европейский университеты первоначально появились в лоне религиозных институтов: буддийские образовательные центры представляли собой монастыри особого типа, европейские университеты выросли из школ при монастырях и соборах³. Европейский университет, однако, впоследствии откололся от церкви и вышел из-под её контроля, оказавшись к XVI столетия в сфере влияния светской власти. Буддийский университет, напротив, до сих пор существует в рамках монастыря. Отделение европейского университета от религиозного института церкви имело свои причины и последствия; неизменному существованию буддийского университета в неразрывной связи с религией также можно найти объяснение. Необходимо подробнее рассмотреть эти обстоятельства, так как они чрезвычайно важны для понимания миссии университета в культуре.

Церковь в лице Папы Римского вплоть до XVI в. не только имела право учреждать новые университеты, но и активно вмешивалась в образовательный процесс. Нередко между церковными властями и универсантами случались столкновения из-за разногласий по поводу учебной программы. Однако, несмотря на недовольство университетского сообщества давлением церкви, по существу, университет продолжал готовить профессиональные кадры для неё же — каждый претендент на докторскую степень должен был приносить клятву на верность католической церкви [6, с. 1136]. На деле университеты обладали достаточно большой свободой действий и значительными привилегиями, и всё же постепенно церковные рамки оказались слишком тесными, не позволяя развиваться полезному научному знанию, приводя к застою в развитии университетов, делая университетское знание неадекватным современной жизни. В XVI–XVIII вв. европейский университет переживал кризис: многие учреждения закрывались, снижался уровень образования, студентов становилось всё меньше; заинтересованность общества в получении университетского образования почти сошла на нет. Университет перестал отвечать запросам общества, так как они развивались со временем, а университетская программа — нет. Изменилось также видение места и роли университета, его миссии в культуре. Сложившийся как сообщество интеллектуалов, университет теперь должен был стать системой подготовки профессионалов.

В начале XIX в. в Англии сложилось течение *утилитаристов*, провозгласивших главным мерилom рациональности и нравственности человеческих поступков их полезность⁴. Образование, по их мнению, должно учитывать нужды общества. В противовес этой теории, проповедовавшей главенство материальной, а не абстрактной духовной пользы знания, возникла либеральная теория университета, предложенная Дж. Ньюменом (1801–1890). Его понимание роли университета было следующим: «Это — собрание учёных, ревностно увлечённых своей наукой, которые соперничают, вынужденные по причине близкого общения и во имя интеллектуального мира при-

³ Например, Н. Суворов пишет относительно возникновения одного из первых университетов в Европе: «В ближайшем отношении к началу Парижского университета стоят кафедральная школа при Нотр-Дам, состоявшая под руководством кафедрального канцлера, и две монастырские школы — аббатства св. Женевиевы и аббатства св. Виктора» [3, с. 25].

⁴ Термин «утилитаризм» в 1781 г. ввёл И. Бентам (1748–1832), понимавший под ним общественную полезность, максимальное количество благ для максимального количества людей.

способливаться в требованиях и связях своих предметов исследования. Они учатся уважать, советовать и оказывать друг другу помощь» [7, с. 97]. Университет должен быть местом свободного общения, свободной циркуляции мысли, местом, где возникает «чистая и ясная атмосфера мышления, которой также дышат и студенты» [7, с. 97]. По мнению Дж. Ньюмена, только такой университет может сформировать у человека особую «способность души, которая остаётся на всю жизнь, чертами которой оказываются свобода, справедливость, спокойствие, умеренность и мудрость», или «философскую привычку» [7, с. 98]. Такое образование и впрямь больше соответствует понятию «университет», если толковать его как систему, дающую универсальное знание, на чём настаивал Ньюмен.

Возможно, появление прагматической теории образования было обусловлено общими социальными изменениями. Если студентами средневекового университета в основном были духовные лица и представители довольно бедных, но заинтересованных в учёбе слоёв населения (люди, изначально ориентированные на насыщенную интеллектуально-духовную жизнь), то постепенно университетское образование становилось популярным среди торгового, ремесленного сословия, богатевшего и набиравшего вес в обществе, заявлявшего о своих правах и интересах. Возможно, доминирование уже не интеллектуальной элиты, а людей, много работающих и нацеленных на конкретную пользу, способствовало формированию новых требований к высшему образованию: отныне оно должно было стать полезным. Так средневековый университет теологов, философов и юристов сменился естественнонаучным университетом учёных и инженеров [8, с. 12]. Целью такого образования стал научно-технологический прогресс, в общественной жизни ему была отведена роль поставщика специалистов, имеющих качественную профессиональную подготовку.

Письменный текст также способствовал этому перевороту. Само появление книги стало важным событием в культуре, новой ступенью технического развития общества. Но и сама книга, как текст, который можно многократно тиражировать и продавать всем, у кого хватит денег, стала источником знания, не ведающим сословных и многих других ограничений: теперь любой, кто умеет читать, мог получить знание. Вообразим ситуацию, когда книг нет и знания должны, как в древности, передаваться из уст в уста или когда всё, что среднестатистический студент читает в течение срока обучения в университете, он должен заучивать наизусть, — и тогда людей с высшим образованием, пожалуй, окажется в Европе намного меньше. Письменный текст способствует развитию системы массового высшего образования. По выражению Ле Гоффа, «университетская книга представляет собой иной объект, нежели книга раннего Средневековья. Она связана с совершенно новым техническим, социальным и экономическим контекстом» [5, с. 77]. Именно она позволила появиться новому типу университета.

Буддийский университет переживал организационные реформы, однако с ним не случилось кризиса, который отделил бы его от его религиозных корней. Суть буддийского образования осталась неизменной по сей день — нравственное, интеллектуальное, духовное совершенствование человека, ведущее к Пробуждению. Буддийские университеты являются центрами духовной жизни регионов, в которых они расположены. Обучение в буддийском монастыре сравнимо в большей степени с обучением ремеслу плотника или каменщика, чем с обучением в современном европейском университете: подобно тому как обучение ремеслу — путь жизни, ибо мастер совершенствуется всю жизнь и никогда не достигнет абсолютного совершенства, путь буддий-

ского монаха к совершенству также длится всю его жизнь [9, p. 107]. Современное же европейское университетское образование — это лишь несколько лет жизни, отдельная её часть, которая может и не повлиять на последующую судьбу человека. Получив диплом, удостоверяющий наличие определённого объёма знаний, необязательно совершенствоваться в своём ремесле, необязательно вообще этим ремеслом заниматься. Разумеется, обучение в современном университете не должно быть бесполезной тратой времени, напротив, как было сказано выше, ещё в теориях утилитаристов университет задумывался как система, удовлетворяющая потребность общества в специалистах и профессионалах. Однако более похожим на «путь длиною в жизнь» представляется ранний средневековый европейский университет, куда студенты стремились по *призванию*, томимые жаждою *знать*. Хороший студент мог учиться в университете всю жизнь, переходя с факультета на факультет. Подобное наблюдается и в буддийских монастырях-университетах. В обоих случаях это особенный путь в жизни, путь знания. Такое знание, преобразующее человека, укоренённое в его сознании, направлено на качественное изменение, тогда как профессиональное, узкоспециализированное знание, пусть и накладывающее отпечаток на сознание человека, является более или менее внешним по отношению к нему. Аналогичный подход к университетскому образованию предложил Дж. Ньюмен, считавший, что основной задачей университета является воспитание в человеке таких черт, как свобода, спокойствие, уверенность, мудрость, которые останутся с ним на всю его жизнь, и полагавший, что знание вполне может быть самоцелью [7, с. 99]. Такой подход к университетскому образованию сближает буддийскую и европейскую образовательные традиции.

В наши дни буддийских университетов намного меньше, нежели университетов европейского типа. Они более замкнуты и, пожалуй, не отвечают требованиям современной динамичной западной культуры, хотя предлагают сделать самое важное — *образовать* себя. Теперь аудитории этих университетов оборудованы компьютерами, а все студенты учат английский язык, но их пятнадцатилетние по продолжительности программы философского и других факультетов не соответствуют современному ритму жизни. Да и как объяснить современному человеку, зачем столько учить наизусть, если любая информация теперь доступна легко и мгновенно в любой точке Земли с помощью маленького электронного устройства? После XVIII в. главным различием между буддийским от европейским университетами является цель образования. В европейской системе она в настоящее время лежит по преимуществу вне человека, так как заключается прежде всего в овладении им компетенциями, связанными с конкретной профессиональной деятельностью, и в подготовке специалистов, необходимых обществу в данный момент. Цель буддийского образования, несмотря на некоторую модернизацию образовательной программы, остаётся прежней — подготовка «стандартного» выпускника, т. е. человека, преобразованного согласно главным буддийским целям, стремящегося к просветлению. Впрочем, современную европейскую модель образования, быть может, удастся совместить с буддийским подходом, если, наряду с необходимостью профессиональных знаний, учитывать также важность преобразования, *пробуждения* личности в процессе образования.

Обращение с текстом в рассматриваемых образовательных традициях также принципиально различно. Европейская интеллектуальная культура ориентирована на бесконечное порождение всё новых текстов, которые расходятся всё дальше от наиболее авторитетных сочинений и трудов, как круги на воде, через бесконечное цитирова-

ние, повторение идей⁵. В европейской образовательной традиции не нужно заучивать наизусть большое количество текстов. Лишь некоторые специальности, как, например, специальность юриста или врача, требуют тренированной памяти. В остальных случаях достаточно овладеть навыком быстрого поиска информации.

В буддийской интеллектуальной традиции также происходит порождение новых текстов, однако центральное место до сих пор занимают исходные, культуuroобразующие тексты. Каждый монах-студент в своём интеллектуальном развитии опирается прежде всего на небольшое количество таких центральных текстов, в которых закреплены основные идеи культуры. Вероятно, обращение каждого поколения студентов к этому своду текстов способствует сохранению миссии образования в неизменном виде.

Таким образом, можно сказать, что текст в двух разных способах бытования и функционирования во многом обусловил формирование двух типов современных образовательных традиций.

Литература

1. Ulich R. Three thousand years of educational wisdom. Cambridge (Massachusetts), 1965.
2. Dreyfus G. B. J. The sound of two hands clapping. Berkeley, CA: University of California Press, 2003.
3. Суворов Н. Средневековые университеты. М.: Т-во И. Н. Кушнеревъ и Ко, 1898.
4. Мельникова Т. А. Книга и чтение в повседневной жизни флорентийцев XIV века // Сервер Саратовского государственного университета. URL: www.sgu.ru/files/nodes/9681/10.pdf (дата обращения: 28.09.2012).
5. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / пер. А. М. Руткевича. СПб: Изд-во СПбГУ, 2003.
6. Тихонова М. Г. Университеты Западной Европы: из Средневековья в современность // Вестник Российской Академии Наук. 1995. Т. 65, № 12. С. 1135–1138.
7. Ньюмен Дж. Г. Идея Университета / пер. С. Б. Бенедиктова. Минск: Изд-во БГУ, 2006.
8. Университет как центр культуropорождающего образования / под ред. М. А. Гусаковского. Минск: Изд-во БГУ, 2004.
9. MacPherson S. A path of learning: Indo-Tibetan Buddhism as education. Vancouver: The University of British Columbia, 2000.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2012 г.

⁵ Ситуацию порождения текстов и обращения с ними в обеих культурах интересно рассмотреть с точки зрения проблемы интертекста, разработанной в лингвистике на рубеже XX–XXI вв., так как это позволит наглядно представить основные принципы формирования информационной реальности.